

Ирина Евтушенко

Тебе повезло, детка!

Чита. 1919 год

— Ваше Высокоблагородие! Что Вы делаете? — девичий голос был совсем юным, испуганным.

— Серафимушка, какой же я тебе Высокоблагородие, я же говорил, называй меня Григорием. А ещё приятнее — просто Гриша, — мужской голос казался взволнованным.

Послышалась возня. В горнице темно, хоть глаз выколи.

Шалунья луна, заглянув через приоткрытую занавеску, немного разбавила густую темноту, осветив двух людей, лежащих на белоснежной кровати. Она — совсем юная девчушка лет так семнадцати, светловолосая с длинной косой, в белой простой рубаше и в темной юбке. А он — чернявый брюнет с шикарными усами и коренастой, крепкой фигурой. Его мускулистый, обнажённый торс, белел в свете луны.

— Душа моя! Не могу и дня без тебя прожить, сердце изболелось, извёлся весь, — горячо шептал он ей в губы, захлёбываясь от чувств.

Она же, закрываясь от него ладошками,

стыдливо отворачивала пылающее лицо. Он настырно ласкал, торопливо развязывая на её блузке завязки, чувствуя упругую молодую грудь, пылая большей страстью.

— Ты такая красивая! Каждый день вижу тебя и не могу более терпеть. Будь моей на веки.

Девушка ошарашено таращила на него глаза и боялась крикнуть или позвать на помощь. Все тело от ласки трепетно млело, мелко дрожало и предательски отзывалось в ответ.

— Не обманете ли, меня? Не бросите? Наиграетесь и опозорите на всю Губернию? — робко спросила Серафима, испугавшись своей смелости.

— Что ты, что ты за мысли такие в светлой головушке взращиваешь? — Георгий нежно трогал кончиками пальцев её шею.

— А может, не любишь меня? Если сердечко молчит, то неволить не стану, — откинулся на спину, запрокинув руки за голову, сдвинув брови.

Серафима замерла, несколько секунд подумала и тихо прошептала:

— Люблю я Вас, Ваше Высокоблагородие. С первого раза люблю, как только увидела. Никого не было у меня ещё. Вы первый будете.

Серафима встала с кровати. Развязала пояс на юбке, которая словно сноп свалилась к её ногам. Длинную простую рубаху сняла через голову.

Стройная, длинноногая, с торчащими сосками на полной груди и округлыми бёдрами. Живот с маленьким глубоким пупком был впалый. Выпуклый треугольник светлых, красивых волос под ним соответствовал обилию светлых волос на голове.

Она не могла не вызвать восторг у мужчины, которому исполнилось 29 лет от роду. Григорий успел вкушать женской любви.

Шутка ли, он — атаман, командующий всеми вооружёнными силами Дальнего Востока, получивший полную власть во всем Забайкалье. За его внимание готовы бороться знатные барышни, а он влюбился, словно мальчишка, в простую крестьянскую девчушку.

Серафима распустила волосы, которые пшеничной волной укрыли её почти до пояса, словно русалку.

Робко взглянула на Григория, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он же, недолго раздумывая, вскочил с кровати и, подхватив её на руки, закружил по комнате, тихо и счастливо смеясь. После аккуратно положил на кровать, любясь девичьей красотой.

Луна, вдоволь насмотревшись, не стала более смущать влюблённых, перестав светить в окно. В горнице снова стало темно. Только слышался жаркий шёпот и прерывистое дыхание.

Поскрипывание кровати, да неловкий вскрик раздался из темноты.

Наши дни

*Каждый день что-то новое в мире
вершит небосвод. Перед чем отступает
людской остроумный расчёт. Пусть наш
разум, как солнце золотое, сверкает с
высот. Он загадкам судьбы разрешенье
вовек не найдёт.*

Ас-Самарканди Мухаммад Захири

Янину можно смело назвать счастливой девушкой. Она родилась в правильное время, в нужном месте и у тех родителей. Её жизнь была сытой и радостной. Родители оберегали её от малейших стрессов и проблем. Янине казалось, что так живут все люди. Она подросла, и из симпатичной девчушки превратилась в красавицу. Высокая, с полной грудью и стройными ножками, с густыми волосами цвета пшеницы и миндалевидными, темными глазами, как чернослив. Тогда-то она и увидела, что так, как в её семье — мало кто живёт. Многим людям свойственна зависть и недоброжелательность. Это девушку пугало и смущало. Она не разбиралась в людях. Особо друзей не было. Для неё во всем примером

были родители. Она их любила преданной дочериной любовью.

Родители баловали Янину, как только могли. Диплом самого лучшего ВУЗа. Квартира — уютное гнёздышко, в лучшем районе города, в новом доме, ремонт по эскизам модного дизайнера интерьеров, самого Муслякова! Одна ванная чего стоила. По задумке дизайнера, её место было нигде иначе, как на балконе. Из панорамного окна открывался вид на город. Благо этаж высокий и город, особенно вечером, светя своими разноцветными огоньками, казался сказочным, мерцаая миллионами огней.

Вся квартира неимоверно стильная, с красивой дорогой мебелью и утыканная всякими разными финтифлюшками, которые Янина привозила из своих многочисленных поездок.

Путешествия дочери на море в экзотические страны, зимой — на лыжные курорты — оплачивали родители Янины. Машина — менялась каждый год. Что ещё надо для девушки, чтобы чувствовать себя уверенно? Ну, разве что, надёжного мужчину рядом, счастливое замужество и полный дом детишек. Тем более возраст уже подходящий. Как ни как, а 25 годков в этом году стукнуло.

Но этого пока не случилось.

Сама Янина по этому поводу совершенно не огорчалась. На все вопросы отшучивалась,

вспоминая слова из кинофильма «Девчата»: «Я замуж ни за что не выйду. Одному лучше. Хочу — халву ем, хочу — пряники».

На самом деле всё просто. Янина была взрослым ребёнком. Совершенно не понимая, как это — нести ответственность за другого человека. По этой причине и на работу не устроилась. Хотя были моменты, когда она занималась самоедством. Винаила себя за несостоятельность. Тем более, родители — сильные, целеустремлённые и жизнелюбивые. Они только посмеивались, старясь максимально отгородить любимое чадо от мирских забот. Понимая, когда дочь повзрослеет, тогда и встретит любовь настоящую. Тогда не то, что пойдёт, а побежит замуж. Будет у дочери такая же любовь, как у них. С первого взгляда. Такая, чтобы в радости и в горести, в болезни и в здравии, до последнего вздоха и пока глаза не закроются. Не знали её любимые родители, ой, не знали... что давненько сердечко их любимой дочери занято. В каждой сильной родительской любви есть подводные камни. Очень часто, желая уберечь своих детей от суровости жизни, они допускают роковую ошибку. Такие родители преподносят мир, как нечто ванильное, сказочное и доброе. При этом нахлобучивают те самые розовые очки, через которые чадо на мир-то и смотрит. А мир, оказывается, совсем другой. Он жестоко срывает с

носа очки и бросает их на землю, разбивая вдребезги. У Янины были именно такие родители. Девушка в таких очках смотрела на жизнь.

И, конечно же, она — красавица и умница была влюблена. И телефон из рук не выпускала, и по вечерам страдала, если не видела объект своего вожделения. Стихи какие-то карябала, неумело складывая рифму. Бежать была готова к нему по первому свистку. Самый красивый он был и самый умный.

Андрей Белов — так звали её любовь — был шикарным мужчиной, лет тридцати пяти. Спортивный, с широкими плечами, жизнерадостный, с отличным чувством юмора, черноволосый, с тёмно-кариими глазами, которые ласково смотрели, отчего у Янины с тяжёлым стуком сердце уходило в пятки. С трогательными ямочками на щеках. От его белозубой улыбки кругом шла голова. Тонула она в ней и не могла отвести глаз. Хлопала ресницами, готовая на всё, ради его улыбки, глаз, рук и тёмной волны густых волос. Полгода Яна ждала предложения от Андрея руки и сердца, но Андрей тянул, находя отговорки.

Сегодня Янина вернулась домой из очередной поездки, мечтая поскорее увидеть родителей и Андрея. В отпуске миллион раз прокручивала разговор с Андреем. Она была готова поговорить с ним о свадьбе. Сколько можно тянуть?

Включив воду, Яна набросала в ванную разноцветных шариков из морской соли. Напевая себе под нос, она наблюдала, как вода окрашивается в бирюзовый цвет, и пена делается плотнее и пушистее, просто на глазах.

«Как все-таки здорово дома, — подумала Яна. — Не зря говорят, что в гостях хорошо, а дома лучше. Каждый раз убеждаюсь в этом, когда возвращаюсь домой!»

Долгожданная встреча с близкими людьми поднимала настроение.

Янина сбросила одежду и с удовольствием погрузилась в воду. От горячей воды наслаждение, приятной волной, прокатилось по телу. Кожа тут же отреагировала гусиными пупырышками.

Телефонный звонок прозвучал неожиданно резко. Лениво взяв трубку, она протяжно пропела:

— Алоо!

— Это квартира Яны Марковой? — мужской голос был официальным.

— Да, это я. В чем собственно дело?

— Ваших родителей зовут Наталья Сергеевна и Борис Васильевич Марковы?

— Да, — насторожилась девушка, волнуясь.

— Дежурный врач, — в трубке слышался шелест бумаги. — Алло, Вы слышите меня? Ваши родители у нас в БСМП, на Ушакова 57. В реанимации. Состояние пока стабильное.

Приезжайте.

В трубке раздались гудки отбоя.

Янина, прижимая трубку к уху вслушивалась в короткие гудки, надеясь, что на том конце провода скажут, что ошиблись номером. Что это какое-то недоразумение и совершенно её не касается, и с родителями всё хорошо. Вода в ванной вдруг стала холодной. Янина, совершенно ничего не понимая, буквально пулей выскочила из воды. Кое-как обтёршись пушистым полотенцем, завязала его подмышками и пошлёпала босыми ногами в комнату.

Мобильный телефон лежал на подзарядке. Никаких звонков на него не поступало. Она быстро нашла номер матери и набрала его — в ответ играла музыка и никто не отвечал. То же самое было с номером отца.

«Они поехали заключить договора с какими-то фирмами, — вспоминала Янина, лихорадочно роясь в шкафу в поисках белья. — Но что могло произойти?»

Наспех натянув джинсы и куртку, Янина спустилась на лифте вниз в подземный гараж и буквально через минуту неслась в потоке машин в больницу.

В больничном воздухе витал запах безнадёжности, хлорки, стиранных в щёлоке простыней.

В приёмном покое было тихо, только муха жужжала и настырно билась о стекло. Янина не могла отвести от неё глаз.

— Машина перекувырнулась несколько раз и загорелась, — голос врача вывел Янину из оцепенения. — Каким чудом Ваша мать вылезла из машины и вытащила вашего отца, только Богу известно.

Доктор смотрел на Янину грустными, усталыми глазами. Было видно, что он не спит который день и от этого, Янине стало ещё тоскливее.

— У меня в голове не укладываются Ваши слова, доктор. Я просто не могу поверить, — бормотала Янина. — Я должна увидеть родителей! — встрепенулась девушка, умоляюще смотря на доктора.

— Невозможно. Пока это невозможно. — Врач нахмурил рыжие брови и покачал головой. — Понимаете, у Ваших родителей частичное ожоговое поражение кожи. Девять часов шла борьба за их жизнь. — Доктор достал из кармана очки и, посмотрев на стекла, снова засунул их в карман. — Сейчас они в реанимации и пока в сознание не пришли.

Янина схватила доктора за руку и запричитала:

— Но они поправятся? Доктор! Скажите. Мои

родители ведь поправятся? Я не могу поверить в случившееся.

Доктор смотрел на девушку печальными глазами. Он сочувствовал ей, но порядок есть порядок. В реанимацию родственников не пускают.

— Мы делаем всё возможное и невозможное, поверьте, — успокаивал он Янину. — Мы желаем скорейшего выздоровления Вашим родным. Но пока какие-либо прогнозы делать рано. Будем надеяться на лучшее.

Он тяжело вздохнул.

— Сейчас в реанимацию Вам нельзя, приходите завтра. Вот список необходимых лекарств. Поверьте, за ними надлежащий уход.

Она на негнущихся ногах покинула кабинет врача. Горе бетонной плитой навалилось на плечи. Все краски мира померкли в один миг. Она брела, не замечая ничего и никого вокруг. Покинув больницу и пройдя два квартала, Янина только тогда вспомнила, что в больницу приехала на машине. На глаза попалась скамейка. Рухнув на неё, она затряслась в рыданиях от нестерпимой жалости к родителям и себе.

«Моя бедная, моя любимая мамочка. Ты опять была сильной и преданной до конца, — рыдала Янина. — Не оставила папу. Господи! Да как же ты его вытащила? Почему меня не было рядом с вами?»

Мама часто рассказывала, как они остались не удел во время Перестройки. Научные сотрудники, никому не нужные, с маленькой дочерью на руках. Но тогда за борт выбросили всю интеллигентную прослойку — без денег и работы. И понеслось! Сначала Польша с ночлежками и тюки товара из Союза, а потом, заграничные поездки с деньгами за товаром. В аренду одно помещение, второе. Обросли нужными связями и уже несколько торговых павильонов сдавали в аренду торгашам. В лихие 90-е Янина была маленькой. По рассказам родителей она знала и про рэкет, и про нищету, и про страх, что могут посадить. Однако желание вырваться и выжить, было сильнее страха перед последствиями.

Янина, как в бреду добралась домой. Слезы застилали глаза. Она несколько раз останавливалась, дрожь во всём теле мешала ехать. Кое-как доехала домой, заварила крепкий чай. Кутаясь в тёплый пушистый халат, в темноте сидела на кухне, поджав под себя ноги.

— Что же, делать? Что же делать? Как страшно и одиноко.

Срочно требовался кто-то, кто спасёт и поддержит в этот момент.

Первое, что пришло на ум — позвонить Андрею. Уж он точно знает, что ей делать. Но мобильный телефон Андрея был вне зоны доступа,

а больше позвонить и некому. Янина горестно вздохнула, судорожно сжав кулачки.

— Надо собрать деньги и быть готовой ко всему. Господи! За что ты так с нами? — Янина подняла вверх глаза, надеясь получить ответ.

К чему нужно быть готовой — Янина смутно себе представляла, и от этой неизвестности становилось ещё страшнее.

Вновь и вновь она возвращалась мыслями к автокатастрофе, как будто бы видела её со стороны. Её воображение рисовало одну и ту же сцену: переворачивается автомобиль родителей. Горит машина. Испуганное лицо мамы, которая спасает отца.

«А как бы я поступила в подобной ситуации? Хватило бы у меня мужества и смелости противостоять огню?»

Янина, совершенно разбитая и уставшая, понуро поплелась в комнату. На дне шкафа она отыскала коробку из-под обуви, усевшись на пол, высыпала содержимое и пересчитала сбережения. Не густо! С чего ж там будет густо, если в поездке она накупила очередных финтифлюшек. Янина обвела взглядом комнату: на низком столике из нефрита стоял большой, фигурный дракон, инструктированный натуральным жемчугом. За него она вывалила сумму заработка одной маленькой деревушки, хотя и долго торговалась. Но

продавец, низенький китаец был непоколебим. Тут же лежало несколько отрезков из тончайшего натурального шёлка. Под стеной стояли картины, написанные каким-то модным китайским художником. И целый пакет мелких сувениров из бивня слона. Новая одежда валялась кучей на кровати. Денег в эту поездку было потрачено особенно много. А почему бы и нет? Она их не зарабатывала и поэтому не считала.

Но жизнь имеет свои правила и законы. Впервые в жизни Яна оказалась не просто в одиночестве, а в каком-то абсолютном, катастрофическом вакууме, словно окружающий мир и всё, что его составляет — люди, события, голоса, движения — все разом исчезли. Она чувствовала себя так, как должен себя чувствовать космонавт, оторванный от орбитальной станции и запертый в своём модуле. Таким модулем была её квартира. Мысль о том, что её все бросили и забыли, была настолько чудовищной, что в неё невозможно было поверить. Хуже пустоты, одиночества и страха за родителей, было только неведение о будущем. Ни разу за все свои годы жизни, Яна не оставалась без родителей и их поддержки. Она совершенно не готова к враждебному миру, который её окружал.

— Надо успокоиться и попытаться поспать. — Яна потёрла виски, казалось, в них кто-то настырно

стучит молотком. — Завтра поеду в больницу с самого утра и постараюсь добиться, чтобы пропустили к родителям.

Решение, которое она приняла, успокоило её. Янина, свернувшись калачиком, чувствуя себя растерянным ребёнком, в скорости забылась тревожным сном.

* * *

— Тебе бы еще жаловаться, Милена! — сдвинув брови, кричал Андрей. — Я из кожи вон лезу, чтобы сделать тебя счастливой, а ты? А ты, вместо того, чтобы просто меня любить, позволяешь себе надуться, как мышь на крупу и молчать.

Мышью он назвал высокую, худую брюнетку со смазливый капризным личиком, лет восемнадцати. Она мало походила на мышь, потому что была вся ярко-розовая. Начиная с мелирования на волосах, ярких, пухлых губ, умилительно коротенькой маечкой, облегающей грудь, с вызывающе торчащими сосками, шортиками розового цвета, и заканчивая розовыми ноготками на пальчиках ног. Весь её внешний вид вопил, что чувствует она себя хозяйкой положения, но никак не мышью. Поэтому при этих словах, бровь девушки удивлённо взлетела вверх, и она обдала

парня ледяным взглядом, от которого Андрей просто чудом не превратился в ледышку.

— Милена! — сменил тут же тон Андрей. — Я не могу пережить, когда ты в таком состоянии.

— В каком таком?

Милена выпятила нижнюю губку, уперев руки в бока.

— Ну, вот в таком! — Андрей лихорадочно подбирал слова. — В капризном. Какая муха тебя укусила?

— Цокотуха. А ты как хотел? — возмутилась Милена. — Мне надоело терпеть твои подачки. Когда ты со мной познакомился, то обещал, что я буду купаться в роскоши. Мало того, что роскоши я так и не увидела, так ты мне и в мизере отказываешь. «Каков наглец, — кипятилась Милена, будто чайник на плите. — Женатик, который кроме обещаний ничего не делает».

— Но разве поездка за границу — это мизер, любимая? — воскликнул Андрей, до конца не понимая, насколько сильно рассерженна Милена.

Милена скривила пренебрежительно губки и уставилась на Андрея:

— А что это, по-твоему? Для такой шикарной девушки, как я, полагаются другие подарки. Значит, найди себе бюджетный вариант. — Милена гордо вскинула подбородок, понимая, что перегнуть палку тоже может легко, но что не сделаешь ради

себя любимой. Ведь на море поехать очень хочется. Она твёрдо решила вырывать своё зубами и ногтями. А эту фразочку, она позаимствовала из модного женского журнальчика. И была уверена на все сто процентов, что звучит она уж очень авторитетно.

Милена, довольная собой, скрестив руки на груди, плюхнулась в издавшее лучшие времена кресло и застыла в праведном гневе, как греческая статуя.

Андрей беспомощным взглядом обвёл комнату.

Комнатка маленькая, обстановка — так себе. Роскошной её назвать сложно. Узкая кровать, как полка в поезде, застелена покрывалом из розового искусственного меха. Но, как сладко ложе, на котором он не раз предавался утехам с этой искуссительницей. Таким же розовым покрывалом накрыто кресло, в котором сидела девушка. Трюмо завалено недорогой косметикой и духами. Тут же валялись сумочки и журналы. На стене висел постер Пэрис Хилтон. Небольшой двухстворчатый шкаф был полуоткрыт и порядка в нём не наблюдалось. Вопрос хозяйственности Милену никогда не волновал. На стене маленький телевизор, который затерялся на фоне обоев с аляповатыми розовыми цветами. В углу пристроился велотренажёр, кстати, тоже подарок

Андрея. Съёмная квартира, не в центре конечно, но только Андрей знал, что ему стоило выкроить из семейного бюджета деньги на эту дополнительную статью расходов. Но разве деньги важны, когда в тебе бушует страсть, словно лесной пожар? Когда ты, как буйвол в брачный период, при виде Милены бьёшь копытом и пар из ноздрей?

Андрей не любил, когда Милена на него сердилась. Он удивительным образом терялся и грустил в такие моменты.

— Я все помню, что обещал, честно! Просто такие обстоятельства, — Андрей присел на корточки перед девушкой, заглядывая ей в глаза. — Но ты должна понять. Не всегда всё идёт так, как планируешь.

— Должна, должна! — глаза у Милены злобно сверкнули — А ты должен уйти из семьи. И что? Я что-то не наблюдаю бумажку о разводе. Или скажешь не так?

Андрей поджав губы, опустил глаза.

— Ага, молчишь? — продолжала свирепеть Милена. — Все вы одинаковые. А я, между прочим, трачу свою молодость, красоту и время на тебя! Милене в этот момент стало нестерпимо жалко себя, да так, что невольно глаза наполнились слезами, и она шмыгнула носиком.

— Я не отказываюсь от своих слов, Миленочка, — запротестовал Андрей, испуганно

замахав рукам. Женских слёз он не выносил. — Просто надо немного денег подзаработать и всё. Сейчас я нашёл организацию. Если они застрахуются по программе, которую я им предложил, то денег будет предостаточно.

Милена посмотрела на Андрея взглядом Мюллера — недоверчиво и подозрительно.

Андрей и сам в свои слова слабо верил. Но постарался, чтобы взгляд у него выражал наивысшую степень искренности.

Страховая компания «Астра», в которой работал Андрей, изначально была очень успешной и процветающей. Занимая весь первый этаж в шикарном офис — центре, с деревянной мебелью и огромными пальмами в больших керамических горшках — она поражала своих клиентов стабильностью, достатком и надёжностью. Директор — одесский еврей, проныра и аферист, умудрялся заключать страховые договора с крупными и мелкими организациями, школами, детскими садами, не говоря о частных лицах.

Работа кипела, деньги лились рекой, выписывались премии, в ресторанах отмечались Новогодние корпоративны, вылазки на природу и поощрительные поездки за границу. Работники были счастливы и смотрели на своего директора, как на Бога, думая, что всю жизнь будут, как вареники в сметане. Пока, в один прекрасный день,

не исчез ими дорогой и любимый директор. Позже выяснилось, что он сбежал куда-то за границу, прихватив очень круглую сумму денег. Уже тогда Андрей сто раз пожалел, что не додумался сделать такой финт. Сейчас бы лежал на берегу океана и попивал сухой мартини. С того самого дня, как пропал директор, компания чахла, как цветок в горшке у нерадивой хозяйки.

Деньги, которые Андрей собрал за время процветания компании, таяли на глазах, как снег под лучами весеннего солнца. Но он мечтал о светлом будущем, не предпринимая никаких действий, а надеясь на русский «авось». И удача ему таки подвернулась. Знакомство с Яной обещало перемены в лучшую сторону.

А самое главное — она влюбилась в Андрея по уши. Он не растерялся, старательно охмурял и окучивал Яну, которая не подозревала о существовании жены. Все было под контролем. Спокойно и размеренно Андрей выжидал, как хищник в засаде, удобного момента. Он был счастлив, как грибник, сначала заблудившийся в невероятно грибных местах, переночевавший в болоте под вой неизвестного чудовища, а после всех злоключений вышедший к маленькой деревеньке. Но неожиданное знакомство с Миленой перевернуло его жизнь с ног на голову. Андрей не мог понять, как его угораздило влюбиться.

Девчонка — малолетка, вьёт из него, тридцатипятилетнего мужчины, верёвки. Всё усложнялось тем, что жена неожиданно забеременела вторым ребёнком. И все эти страсти — мордасти, не кстати. Ой, как не кстати! Но с появлением Милены, жизнь Андрея заиграла новыми красками. Она казалась ему юной, непосредственной, чистой. Её он желал всем сердцем и телом. Какая интересная штука жизнь: сначала она переворачивается под тобой, как крышка люка, да ещё и бьёт по голове, а потом, вдруг, бережно мажет рану зелёной и преподносит тебе среди зимы весенний цветок. Разум Андрея совершенно отключался, как только он видел этот цветок, пусть даже капризно надувавший свои губки. Вот и сейчас, сердце у него разрывалось от переполнявших эмоций.

Понимая, что Милена поднимает опасную тему, Андрей внутренне сжался: «Тема семьи — скользкая тема, неразрешимая, если честно, — подумал с тоской, Андрей. — Проблемы на работе, жена на сносях, недовольная любовница и куча личных амбиций. Эх!» Андрей решил, что дешевле и лучше для него дать согласие на поездку Милены.

Но тут в душе поднялась ревность собственника, которая сжирала, словно колорадский жук картошку. Потому что любовь и ревность — две подружки, марширующие плечо к

плечу рядом с каждым влюблённым.

Андрей тяжело вздохнул, но для себя решил быстро не сдавать позиции, а выдвинуть последний контраргумент:

— Мы же планировали вместе поехать на море?

Милена уставилась на Андрея зелёными глазами и взвизгнула:

— Ты что не понимаешь, у Ленки день рождения? Там собирается крутая публика и меня не будет?

Андрей знал эту Ленку. Совершенно избалованная особа. К ней он питал неприязнь, и она отвечала той же монетой. Каждый раз Ленка ждала повода, чтобы настроить Милену против него. Андрей всегда не находил себе места, когда оказывался в одной компании с этой наглой девицей. «Вытаращит свои глазёнки и буравит, будто дырку хочет просверлить». — Андрей поёжился. Ему казалось, что Ленка всё про него знает. Читает мысли в его голове.

Он беспомощно посмотрел на Милену.

— Но, как же мы? Мы же планировали.

— С тобой тоже поедем. Я же обещала! — снисходительно успокоила Милена.

Она видела, что он уже сдался, поэтому пустила последний контрольный выстрел.

— Ты же знаешь, что я люблю и хочу только

тебя? Милена томно закусила нижнюю губку.

Андрей восторженно и глазами, полными надежды, уставился на девушку.

— Но! — она упёрлась наманикюренным пальчиком в его грудь. — Я так и не услышала твоего ответа. Я еду в поездку или нет?

— Едешь! — обречённо выдохнул Андрей и, не вставая с колен, принялся целовать её стройные ножки.

— Ну, вот и ладненько! — удовлетворённо усмехнулась девушка и потрепала его, как сиротинушку, по щеке. — Ты заслужил!

Как легко лепить свою судьбу из податливого подручного материала. «Материал» смотрел на Милену преданно, боясь моргнуть. Милена томно улыбнулась и поманила его пальчиком. Наивный кит выбросился прямо к её ногам на берег и теперь ему никуда от неё не деться. Плавно пританцовывая, изящно снимая с себя шортики, она двинулась в сторону розовой кровати. Андрей, чуть ли не прихрюкивая, захлёбываясь от счастья, не вставая с колен, торопливо поспешил за ней.

Спустя пару часов, Милена закрыла дверь за Андреем. Она, потягиваясь словно кошка, шлёпнулась на кровать и набрала номер подруги. Когда на том конце провода ответили, она завопила:

— Ленка, я еду. Ура!

Из трубки послышался визг радости. После того, как прошли первые эмоции, девушки решили обсудить организационные моменты. Проговорив около часа, подружки распрощались в прекрасном настроении и довольные друг другом. Милена погрузилась в раздумья. Если бы кто-то ей сказал пару лет назад, что у неё будет такая жизнь, она бы не поверила ни за какие коврижки.

Родители зачали Милену на школьном выпускном вечере. Когда на рассвете весь класс помчался купаться на речку, одуревшие от спиртного, жары и танцев, в кустиках и произошло их феерическое соитие. Известие о беременности прозвучало, как набат. Непутёвые подростки имели строгих родителей. На семейном совете приняли решение — никакого аборта.

— Ещё чего не хватало, брать грех на душу, — грюкнув по столу кулаком, сурово пробасил отец одного из подростков. — За свои поступки надо нести ответственность.

Про чувства никто ни у кого не спрашивал.

На скорую руку сыграли свадьбку. Бабушку в срочном порядке перевезли к чьим-то родителям. И молодые благополучно поселились в её квартире. Так и началась семейная жизнь подростков, которые с головой окунулись во взрослую жизнь. В положенный срок родилась Милена. Девочка с детства была болезненной и замкнутой. Своим

родителям мало интересна. Милена частенько засыпала полуголодная. Для неё большим праздником было, когда бабушки или дедушки вспоминали о своей внучке и забирали на выходные. Став старше, девушка увидела, что не все семьи живут так, как её родители — не так бедно и голодно. И одеваются они красивее, и родители их любят не за что-то, а вопреки. Милена росла, а вместе с ней росла зависть, злость и желание получить всё любой ценой. Чувствовала она себя всё больше одинокой и никому не нужной. Родителей своих не уважала, не любила и стыдилась, считая неудачниками. Часто по ночам, лёжа в своей кровати, Милена представляла себе совсем другую жизнь и другую семью. Штудирюя модные журналы и умные брошюры из серии «Как стать счастливой», «Воспитавай в себе стерву», «Сто одна заповедь в поисках миллионера» и прочие, она вывела для себя ряд правил, которых решила придерживаться. Первое — никогда не спать на первом свидании, потому что она не такая. Второе — на свидании идти только в дорогой ресторан и если её туда не ведут, значит, претендент тут же отсылается куда подальше, нечего тратить своё драгоценное время на нищету. Третье — обязательно жить отдельно от родителей. Сославшись на то, что они погибли, работая геологами, спасая Землю от извержения вулкана.

В-четвертых — не забывать капризничать и получать подарки. Ещё у неё в планах было сделать грудь побольше, и квартиру купить. Машину ещё хотелось бы очень, но это потом. Вот ориентиры, по которым Милена решила двигаться по жизни. Так она мечтала и фантазировала, полностью уверенная в себе. Неожиданно, в один прекрасный день, она познакомилась с Андреем. И надо такому случиться! Он влюбился в неё по уши.

Милена, улыбаясь, бойко вскочила с кровати. Из кармашка сумочки достала тетрадный лист, сложенный вчетверо. Развернув его, она с удивлением отметила, что все четыре пункта выполнила. Гордая и довольная, девушка поняла, что пришло время подумать о следующих желаниях. Ведь лестница, по которой она твёрдо решила подниматься только вверх, уже не кажется такой крутой. У неё все получится. Главное, как учат в модных журналах — захотеть. Немного подумав, она старательно вывела цифру пять.

* * *

Янина проснулась в совершенно разбитом состоянии. Мысли о родителях не покидали и ночью. Сон был тревожным.

Раньше позвонила бы мама. Успокоила и устроила бы праздник для души и тела. Родители

бы обязательно приехали, ворвавшись в квартиру, с каким-то очередным сумасшедшим предложением и, уже втроём, они мчались бы на стрельбище, пострелять по тарелочкам из тяжёлого ружья, или катались бы на лошадях, неимоверно красивых и ухоженных. А потом, ужинали бы в тихом уютном месте, что-то итальянское идеально подошло бы. И в этот вечер, Яна не поехала бы к себе домой, а осталась у родителей, в своей чудесной комнате, в которой всё осталось, как и раньше: по-девичьи нежно и радостно. Свернувшись калачиком на диване, она уснула бы под бормотание телевизора, чувствуя, как мама перебирает её волосы. А сейчас...Никто не позвонит. Андрей тоже не перезвонил. От всех этих волнений у Янины разыгралась мигрень. В теле образовалась вялость и слабость. Ей бы дома полежать, закутавшись в тёплое одеяло, выпить таблеточку, но, пришло время становиться взрослой. Вздохнув, быстро собралась и решила по дороге в больницу заехать в аптеку. Купив все лекарства по списку, она заскочила в рядом стоящий магазин за кефиром.

Погружённая в свои мысли, Яна не сразу заметила цыганку, которая буквально перегородила ей дорогу.

— Бахталэс, красавица!

Цыганка была немолодой, но крепкой. Несвежая кожа и крупный с горбинкой нос, тонкие

губы и тёмные, неухоженные, длинные волосы, совершенно не гармонировали с карими, молодыми глазами. В отвисших мочках больших мясистых ушей висели золотые серьги-кольца, с шеи свисали цепочки и тесёмки с какими-то странными украшениями, гроздьё браслетов позвякивали при каждом её движении. На ней была пёстрая, длинная юбка в пол и цветастая кофта. Яркий красный цветок-заколка в волосах завершал весь экзотический наряд. Цыганка смотрела пытливо и насмешливо.

— Как зовут тебя, красавица?

Янина остановилась, и оторопело уставилась на женщину. Она никак не могла взять в толк, о чем её спрашивают.

— Что вы хотите, женщина?

— Погадать хочу тебе, красавица! Мэ тут пхэнава про тебя.

— Что про меня? — не поняла Янина.

— Всю правду скажу про твою судьбу! — горячо убеждала цыганка, тыча в руку Янины зеркальце.

Янина, совершенно обалдевшая, уставилась на свою ладонь, в которой лежало круглое зеркало. В нём она увидела отражение своих глаз.

А цыганка, не замолкая ни на секундочку, что-то продолжала бормотать себе под нос:

— Барвалыпэ, насвалёс, да са.

— Что вы бормочите? — Янина не разбираала ни слова на чужом языке.

— Ой, плохо у тебя всё, красавица. Плохо! — закачала головой цыганка. — Хочешь, помогу тебе? Плохо с родителями твоими. Больницу вижу. Смотри в зеркало. Я тебе не вру, всю правду скажу тебе.

Услышав о своих родителях, Янина почувствовала себя совсем худо. Она и не заметила, как оказалась в плотном кольце цыганок, которые, не известно, откуда взялись и облепили её, как тля ветку. Они что-то очень бурно обсуждали, периодически размахивая руками. Так, не выпуская из своих цепких рук Янину, они её силой потащили в ближайшую подворотню. Яна, совершенно не соображая, на ватных ногах следовала за ними с единственной мыслью узнать, что там бормотала эта старуха про её родителей.

Двор, в который цыганки привели Янину, оказался полным заброшенными гаражами. Под деревом из земли торчала покосившаяся скамейка, на которую цыганки и усадили девушку. Цыганка разложила цветастый платок прямо на лавочке. Откуда-то из недр своих юбок, она достала мешочек, из которого извлекла иголки. Бормоча себе под нос, пошептала что-то на свой кулак и бросила иглы на платок.

Янина уставилась на иголки, ничего не

понимая. Цыганка начала цокать языком.

— Что не так? — Янина чувствовала, что от страха сейчас грохнется в обморок. Цыганка, словно не слыша, бормотала на своём языке. Наконец, самая молодая из цыганок, нагло посмотрев на перепуганную Янину, сказала:

— Рада говорит: «Смерть в твоей семье, на пороге стоит. Богатство будешь иметь, а потом нищей пойдёшь — руку протянешь. Подаяния просить будешь!»

— Зачем она пугает меня? — воскликнула девушка в сердцах, бросив зеркальце на землю, которое все это время сжимала в руке.

Цыганки ещё больше зашумели и энергичнее замахали руками.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но на тебе порча. Рада снять её может. Спасти семью, так скажем, — зашептала Янине на ухо молодая цыганка.

— Ну, пусть снимет, раз умеет, — неуверенно промямлила Янина, пожав плечами.

— Надо золото ей дать своё. Чтобы точно получилось. Говорит Рада, что сильная порча на вашей семье. Очень сильная. Цыганка закатила глаза, тем самым изображая степень силы порчи.

Янина, немного подумав, сняла серёжку и протянула её цыганке.

— И вторую давай. Одной мало, —

потребовала молодая цыганка. — Сильная порча, говорю тебе.

Тем временем, Рада затряслась всем телом и закачалась из стороны в сторону, издавая какое-то утробное гудение. Её глаза закатились, став совершенно белыми.

От испуга у Янины прилип язык к нёбу. Трясущимися руками, не сводя глаз с Рады, она отдала вторую серёжку. Эта серёжка, как и первая, тут же пропала в многочисленных складках юбки.

— Вижу, вижу, — зашипела Рада.

Упав на спину, она корчилась, размахивая руками в воздухе.

— Ой, тяжело дело идёт! — горячим дыханием обдала ухо Яны молодая цыганка. — Надо ещё золото и денег бумажных желательно. Видишь, как мучается из-за тебя человек.

Янина так испугалась, что готова была отдать не только золото, но и все деньги, которые взяла с собой. Ей так сильно хотелось, чтобы сняли порчу с её семьи. Неожиданно, девушка почувствовала, кто-то тянет из её рук сумочку, и пытается стянуть с пальца кольцо, подарок родителей. Мысль, мелькнувшая в голове, словно подзатыльник, мгновенно отрезвило Янину. Она поняла, что её самым натуральным образом грабят среди белого дня, без стыда и совести. Взвизгнув, Янина крепче сжала ручку своей сумочки, твёрдо решив не

отдавать её цыганкам. Рада, которая только что корчилась в шаманских ведениях, неожиданным образом вернулась в реальность и ринулась помогать товаркам. Она, блеснув золотым зубом, рыча, кинулась на Янину с остервенением раненной медведицы, пытаясь дотянуться зубами до её руки. Янина, долго не раздумывая, пнула ту ногой. Рада хрюкнув, кубарем полетела на землю. Яна, собрав все свои силы, второй рукой махнула куда-то в воздух и по раздавшемуся воплю поняла, что по кому-то попала.

— Держите её крепче! — завопила молодая цыганка, видя яростное сопротивление девушки. Она всем телом повисла на сумочке Янины, но вырвать её из рук не получалось. Не растерявшись, она засунула в сумочку свою руку, стараясь нащупать кошелёк. Янина с удивлением обнаружила, что у неё под мышкой торчит бутылка кефира, про которую она совершенно забыла. Недолго думая, она метнула кефир в гущу цыганок. Крышечка от удара оторвалась и он, с чваканьем, шлёпнулся на голову одной из нападавших. Янина вскочила и вместе с молодой цыганкой закружилась на одном месте, притопывая и пританцовывая, периодически стараясь попасть в неё ногой. Вокруг них бегали цыганки, которые хотели прийти на помощь своей подруге. Однако Янина с таким остервенением кружила и мотала их подружку, что

у тех не было даже шанса просунуться в эту карусель. При этом им тоже доставался пендаль от девушки, который, к её сожалению не был волшебным, иначе бы во дворе кроме неё никого не осталось. Но цыганкам всё-таки удалось свалить Янину на землю. Они накинулись на неё словно мухи на конфету.

Со стороны все это действие имело вид сложного цветастого узора, в народе именующегося — куча мала. Периодически из этой кучи появлялось чьё-то лицо, мелькала рука или высовывалась нога. Все это сопровождалось бранью, визгом и криками. К сожалению, большинство всегда побеждает меньшинство. И исход драки был бы возможно очень печальным для Янины, если бы не раздался резкий свист и окрик. Женщины замерли и кинулись в рассыпную. Янина не успела опомниться, как осталась сидеть одна в пыли посреди двора. В руке у неё болталась сумочка с оторванной ручкой.

* * *

— Весело тут у вас.

Янина, часто заморгала и, откашливаясь от пыли, которая медленно оседала на неё, словно сахарная пудра на торт, старалась рассмотреть, кому принадлежит голос. Она подняла голову и

увидела на крыше заброшенного гаража молодого мужчину.

— Вижу, вовремя подоспел, — улыбаясь, он спрыгнул на землю и подошёл к Янине.

Спортивная фигура, светловолосый, с озорными искорками в голубых глазах, прямой нос и красиво очерченные скулы. На шее у него висел фотоаппарат. Всё это девушка успела рассмотреть, пока мужчина шёл к ней. Он протянул руку. Янина, вцепившись в неё, поднялась на ноги и оказалась совсем близко к парню.

— Я, Арсений. Можно просто Сеня, — не переставая улыбаться, представился он. А спасённую принцессу, как зовут?

— Янина, — проворчала спасённая принцесса.

— Вот и славно! — усмехнулся Сеня. — А разве тебе не говорили, что с цыганками нельзя разговаривать?

Янина, отряхивая свою одежду, сердито сопела.

— Говорили.

Янина не была готова, после порции побоев, выслушивать наставительные нотации.

Вся эта ситуация была вопиющим безобразием и из ряда вон выходящим происшествием. Одежда бесповоротно испорчена. Вся она грязная, в пыли и кефире. Волосы торчат в разные стороны, словно щетина на зубной щётке

школьника. В таком торжественном виде явно в больницу не заявишься. Надо срочно ехать домой и переодеваться, а это всё время. А в больнице её ждут родители. Не станет же она рассказывать этому Сене, что цыганка, ткнув пальцем в небо, сразу попала по её больному месту. И что в людях она совершенно не умеет разбираться и доверчивая, как грудной ребёнок.

Драка забрала последние силы. Мир начал дрожать у неё в глазах. Слезы полились из глаз, оставляя после себя грязные дорожки. Янине захотелось опять шлёпнуться в пыль и жалеть себя, жалеть.

— А вот плакать совершенно ни к чему! — Сеня извлёк из кармана платок и протянул девушке. — Пропало, может что?

Янина открыла порванную сумочку и увидела, что кошелёк, ключи от машины и документы остались на месте.

— Только серёжки, — всхлипнула она.

— Ну, это не самое страшное. У меня вот, — и он похлопал по фотоаппарату. — Есть улики. Я сделаю фотографии и помогу вернуть серёжки.

Сквозь слезы Янина внимательнее посмотрела на Сеню, а потом на фотоаппарат.

— Ой. Может не надо? — вспомнив сумасшедших цыганок, Янина поёжилась.

— Ну, почему же не надо?! — сверкнул

глазами Сеня. — Надо! Считаю меня своим личным Дон Кихотом.

Янина улыбнулась впервые за последние два дня.

— Спасибо за спасение. Если бы не ты, то мне пришлось бы худо.

Янина вздохнула и заспешила.

— Я проведу тебя, — предложил Сеня. — Чтобы наверняка никто не пристал.

Янина на минуточку замешкалась, но она боялась цыганок, поэтому не стала возражать и согласилась. Уже возле машины, Сеня попросил её номер телефона. Если найдутся серёжки их же надо как-то отдать. Янина дала номер и ещё раз поблагодарила своего спасителя.

Яна неслась в потоке машин, стараясь забыть последний неприятный инцидент. Дома, приняв душ и быстро переодевшись, она снова выскочила на улицу и поехала в больницу.

Там её встретил вчерашний доктор с печальными глазами. В реанимации особенно сильно пахло лизолом, болью и ещё чем-то. Отец, казалось, спал, лицо в бинтах и в том месте, где рот, маска с загубником и длинной трубкой, ведущей к аппарату искусственного дыхания. Янина смотрела на него через стекло, чувствуя, как страх за отца сжимает горло.

К маме девушку пустили. Её облачили в

белый халат, надели маску на лицо и шапочку. Наталья Сергеевна находилась в соседней палате и недавно пришла в себя — живучий женский организм. Лицо и голову полностью закрывали бинты, в прорезях вокруг глаз залегли тени. Перебинтованная правая рука лежала поверх одеяла. В левой руке, замотанной сплошным слоем бинтов, была воткнута игла капельницы, висящая на металлической стойке. Увидев маму — всю в бинтах, Янина, на непослушных ногах, побрела к ней чуть ли не теряя сознания. Наталья Сергеевна тяжело дышала.

— Мама, — едва слышно позвала Янина.

Наталья Сергеевна, как показалось Янине, на миг перестала дышать. Потом сделала глубокий вдох и приоткрыла глаза.

— Янина, девочка моя! — шёпотом позвала Наталья Сергеевна. — Ты пришла.

— Мамочка, мамочка, меня сегодня пустили и то, ненадолго. Ты скоро поправишься. Самое главное борись, мамочка.

Янина не могла сдержать слёз, они катились по щекам — жгучие и горячие.

— Доченька... А, что слышно за папу? — Наталья Сергеевна шевельнула рукой. — Ты у папы была?

— Папа, хорошо. Он спит. Не волнуйся, мамочка, — Янине было больно смотреть на

мать. — Видела его, правда через дверь.

Янина увидела, как улыбка облегчения мелькнула на губах матери.

— Яна, дочка. Слушай меня внимательно. Эта авария не случайна.

— Как это? — Янина не могла поверить в услышанное — Мамочка, может это тебе показалось? Кто мог это сделать?

— Нет, Яна. Всё так и есть. И я догадываюсь, почему она произошла. Поэтому я тебе хочу рассказать один наш семейный секрет.

Наталья Сергеевна часто задышала, гримаса боли исказила губы.

— У нас есть семейная тайна. Тебе надо опасаться чужих людей.

Прикроватный монитор резко запищал.

Янина наклонилась к матери, понимая, что у неё явно шок и бред.

— Мамочка, не волнуйся. Всё позади. Тебе надо отдохнуть и скорее поправиться.

Но Наталья Сергеевна её не слушала, а твердила своё:

— Послушай, Яна. Тебе надо быть осторожной. В гараже есть тайник.

В этот момент в палату забежала медсестра.

— Уйдите немедленно! — приказала она, склоняясь над пациенткой.

— Ещё одну минуточку, — взмолилась

Янина.

— Нет! Вы мне мешаете! Вы видите, Вашей матери стало плохо? Я должна сделать укол. Вас и так, в виде исключения, пропустили в реанимацию. Уходите! — медсестра была непреклонна.

Наталья Сергеевна смотрела на дочь кровавым глазом, который казалось, вытечет и шевелила губами:

— Тайник. Найди тайник.

В этот момент на Янину дохнуло обжигающей опасностью. Это, мимолётно возникшее чувство, она не успела даже осознать. Сбросив его с себя, как пушинку с пиджака, девушка, совершенно подавленная, вышла из больницы. Мысли хаотично сбивались в кучу, скомкивались и суетливо мельтешили, как мошки на свету. Ей захотелось побыстрее попасть домой, там, где будет спокойно. Дом — её крепость, так всегда было.

* * *

Не успела Янина переступить порог, как в квартире раздался звонок. Девушка от неожиданности вздрогнула. Немного помедлив — сняла трубку домофона.

На экране высветилось довольное лицо Андрея. Янина нажала кнопку, открывая дверь. Буквально по мановению волшебной палочки, через

минуту на пороге возник Андрей с охапкой красивых тюльпанов. Увидев выражение лица Янины, он остановился, будто бы стукнулся о незримую стену, которая неожиданно выросла у него перед носом.

— Что у нас случилось? — с вытянутым лицом настороженно спросил он. — Что я пропустил или сделал не так?

Янина, увидев испуганное лицо Андрея, почувствовала, как у неё затрясся подбородок, скривились губы и слёзы, крупными горошинами покатались из глаз. Всхлипнув, она повисла на Андрее, как ярлык на майке, уткнувшись ему носом в грудь. Так, сплетясь телами, они прошли в комнату.

— Теперь объясни мне, что же всё-таки произошло? — Андрей участливо взирал на Янину, совершенно не имея не малейшего представления о причине её слёз. Он протянул коробку с бумажными салфетками, в которые девушка сморкалась, издавая звуки расстроенного тромбона.

— Начну с того, что папа и мама попали в аварию. Аварию им кто-то подстроил. На меня напали цыгане, я еле от них отбилась. И у нас есть тайник, — выпалив эту информацию, Янина снова высморкалась.

В комнате повисла гнетущая тишина. Брови Андрея во время рассказа сначала удивлённо

ползли вверх, надеясь соединиться с волосами, а потом, сползли к переносице и застыли суровой галочкой.

— М-да, дела, — протяжно протянул он. — Надеюсь, родители живы?

— Родители в реанимации, — всхлипнула Янина. — Им сделали операции, но пока неизвестно, как пойдёт выздоровление. Сильные ожоги.

— Значит, нам остаётся только ждать и верить в мастерство врачей! — резюмировал деловым тоном Андрей. — Откуда взялись цыгане?

— Сама не знаю, — вытирала слезы Янина. — Они набросились на меня, словно саранча.

— Милая моя, нежная моя, девочка! — в глазах Андрея было столько сострадания. — Почему же ты мне немедленно не позвонила?

— Я звонила, но твой номер был отключён!

— Да, да, — Андрей с сожалением почесал подбородок, отведя глаза. — Важная встреча с клиентом.

Андрей нервно заходил по комнате. Янина водила за ним глазами. Неожиданно он остановился и задрал голову вверх. Девушка повторила за ним движение и тоже уставилась на свой потолок. Андрей, высмотрев на нём что-то важное выпалил:

— А тайник-то где?

— В гараже, — захлопала ресницами Янина.

— В каком? — Андрей посмотрел на девушку, как доктор на душевнобольного пациента.

— Не знаю. В каком-то! — пожала она плечами.

Андрей насупился, глядя на Янину.

— Это усложняет задачу. Но всё равно не делает её не разрешимой.

Янина преданно кивнула.

— Дело совсем за малым. Тебе надо пойти в больницу и спросить у мамы, где находится гараж? — Андрей был доволен своей сообразительностью. Удобно уместился в кресле, закинув ногу на ногу.

— Но меня туда больше не пустят, — сокрушённо замотала головой Янина.

— Хм, — Андрей почесал подбородок. — Если логически подумать, то о каком гараже могла говорить твоя мама, если не о вашем?

— О наших. — Янина была готова отправляться на поиски сию минуту. — С какого начнём?

— А что гараж не один? — удивлённо возрился на Янину Андрей.

— Их четыре.

— Тогда поехали искать во всех четырёх, — обескуражено вздохнул Андрей.

В прихожей, надевая свои туфли, он вдруг почему-то разозлился: «Это ж надо такое, четыре

гаража и куда им столько? Вообще люди стыд всякий потеряли. Откуда столько денег? А ещё говорят — деньги зло. Не то слово. Деньги — это гибель. Тут на машину еле заработал и то родители жены помогли. А на гараж так и не мечтай. А здесь их четыре».

Перевернув вверх дном три гаража, Андрей и Янина ничего не нашли. Андрей уже в сотый раз требовал от девушки пересказать разговор с матерью. Янина, как музыкальная шкатулка, еле ворочая языком от усталости, повторяла одно и то же. Остался последний гараж. Янина хотела предложить перенести поиски на другой день, но, увидев взгляд Андрея, умолкла на полуслове.

На улице начало смеркаться. Гараж был большим и напоминал свалку-склад. Здесь стояла старая мебель, два мотоцикла в полуразобранном состоянии ждали своей очереди на ремонт, несколько холодильников служили шкафчиками. С полок свисали провода, лежали инструменты. Стояли коробки с керамической плиткой и разным строительным материалом. Двухчасовые поиски не дали никаких результатов. Янина не чувствовала ни рук, ни ног. Лицо Андрея было сосредоточенным и злым. Он пыхтел, как паровой котёл, но сдаваться не хотел. Казалось, что не осталось ни одного места в гараже, куда не заглянули Янина и Андрей.

— Надо просто подумать, — бубнил он себе

под нос. — Думать логически. Где они могли спрятать тайник?

— Может где-то в полу? — робко предположила Янина.

Андрей остановился и уставился на девушку.

— А это мысль! Пол то мы не осматривали. Сейчас осмотрим здесь пол и, если не найдём, поедем завтра и осмотрим пол во всех остальных гаражах.

Андрей начал методично поднимать вещи и переставлять их с места на место, двигать холодильники, прыгать на полу, вставать на колени и прикладывать ухо к малейшей щели. Всё было безрезультатно.

Отчаянье нахлынуло на Янину. Она чувствовала себя беспомощной, полудохлой рыбёшкой, которую вынесло прибоем на берег.

«Ничего не могу и не умею. Даже не могу тайник найти в собственном гараже», — съедала она себя.

Усевшись на одну из коробок, погружённая в свои мысли и занимаясь самобичеванием, Янина не заметила, как стучит по стене гаечным ключом. Штукатурка от стены отваливалась, отваливалась. Вдруг, послышался странный звук. Янина встрепелулась и уставилась на открывшуюся её взору металлическую пластину.

Андрей в два прыжка оказался возле неё.

Металлическая пластина была привинчена к стене четырьмя болтами. Андрей кинулся искать нужный инструмент. Через пару минут он отвинтил болты и, взору Янины открылось углубление в стене. Сердце бешено колотилось. Андрей сопя, опустился на колени, просунул руку в дырку и на свет божий достал небольшой свёрток. Янина радостно уставилась на свёрток. Её усталость мгновенно улетучилась. В неё как-будто вдохнули новую жизнь.

— Вот он, твой тайник, — сдавленным голосом пробормотал Андрей. — Быстрее едем домой.

Андрей замотал свёрток в куртку. Яна ликовала. Её просто распирало от радости, ведь она впервые в жизни нашла тайник.

«Пусть он и семейный. Но нашла же!» — радовалась она, словно ребёнок.

Счастливые, Андрей и Янина, всю дорогу возбуждённо гадали, что в свёртке, но каждая выдвигаемая ими версия была сумасшедшее предыдущей. Это их жутко веселило. Да ещё воздух по-весеннему плотный, свежий и пьянящий. Они вернулись в квартиру Янины, а потом целовались, сбрасывая на ходу свои перепачканные вещи. Мир остановился в этот миг и город, весь в огнях, лежал только у их ног. Тела были, как наэлектризованные и, обоим хотелось слиться, впившись друг в друга.

Стало нечем дышать от страсти, нахлынувшей, как смерч, сметая всё на своём пути. Янина со своими пшеничными волосами, точно русалка из пены морской. И конечно, сумасшедшая молодость, и неудержимая жажда жизни. Непреодолимое желание любить и дарить любовь. Янина вознеслась куда-то ввысь, оторвавшись от земли, от своего горя и боли. Все мысли вылетели из головы, как слетает пух с одуванчика. Всё вокруг замерло и перестало существовать. Она слышала только свой протяжный стон и гортанный рык Андрея.

А потом она жарко рассказывала Андрею, обо всех событиях, прошедших двух дней. Удивительно, как она вообще не сбрендила, от таких потрясений. Сначала запрещённый удар, ниже пояса — известие об аварии. А теперь, у неё в комнате лежит какая-то семейная тайна. Счастье булькает внутри, а они не спешат развернуть свёрток. Лежат себе в ванной и разговаривают, как ни в чём не бывало. Это было всё так смешно и радостно.

— Аккуратно разворачивай. Не спеши! — Андрей, сосредоточенно сопя, следил за движениями Янины.

Они сидели на полу посреди комнаты и смотрели на свёрток. Понимая, что не может прикоснуться к свёртку, Яна никак не могла решиться развернуть его, чтобы узнать семейную

тайну, которую он хранит. Наконец, Янина ножницами разрезала плёнку, обнажив промасленную бумагу, внутри которой была ткань, грубая, как брезент.

— Ого! Завернули, — присвистнул Андрей.

Янина, чувствовала, что дрожит всем телом, словно не застывший студень и от волнения вспотели ладошки.

Перед ними лежали золотые монеты, пару писем и завёрнутая в плотную бумагу фигурка рыбки, очень искусно выполненная. Выпуклые глазки смотрели, словно живые, сверкая тёмными сапфирами. Чешуйки из тончайших золотых и платиновых пластинок, переливались под электрическим светом. Вставленные в них бриллианты ярко сверкали. Андрей ошарашенно уставился на всё это богатство и выдохнул.

— Это все чистое золото. Ты себе представляешь, на какую сумму здесь его!

Он взъерошил волосы и стал похож на дикобраза в брачный период.

— Не представляю, это точно, — голос у Янины стал осипшим.

— Откуда это у вас? — Андрей недоверчиво смотрел на девушку. — И ты не знала?

— Я понятия не имела, — Янина растеряно рассматривала находку. — Мне никто никогда про тайник не говорил.

— Если бы не авария, то и не сказали бы, — насупился обиженно Андрей, воспринимая этот секрет, как личное оскорбление. — Тут письма, их нужно прочитать.

— Да, да, — ещё больше заволновалась Янина. — Возможно, это прояснит ситуацию. Тем более, я надеюсь, маме станет лучше. Я смогу попасть к ней в больницу, и она наверняка может всё объяснить.

Янина чувствовала себя растерянной и подавленной, понимая, что не заслужила, чтобы родители поделились с ней семейной тайной.

«Сама виновата, — думала девушка. — В голове одни путешествия и отдых. Зачем такой несерьёзной дочери рассказывать о семейной тайне? А может родители хотели меня от чего-то уберечь?»

— Просто меня волнует следующий момент, — нахмурилась Янина, сдвинув брови на переносице. — Почему мама решила рассказать мне про тайник сейчас? И почему сказала не доверять чужим людям?

— Может это как-то связано с аварией? — рассматривая рыбку, предположил Андрей. — Мама тебе сама сказала, что аварию кто-то подстроил.

— Да, сказала, — задумчиво отозвалась Янина. — А вдруг кто-то узнал про тайник? Такое

возможно?

— Конечно, возможно! — воскликнул Андрей. — В наше время всё возможно. Послушай, ведь всё это целое состояние, — у него алчно сверкнули глаза.

— Да уж. Если это всё стоит больших денег, вдруг кому-то очень нужны эти вещи? — предположила Янина. И ей стало страшно. — Но пока я должна во всём разобраться сама, — пожалала плечами Янина. — Мне важно, чтобы мои родители вышли здоровыми из больницы. Всё это я спрячу в надёжное место. Пусть они сами решают, что с этим делать.

— Конечно, конечно, — засуетился Андрей, опуская глаза. — Перепрятать — это ты верно решила. Но надо письма прочитать и узнать, кому все эти вещи принадлежат. Представь, если твои родители их у кого-то, ну, скажем так, взяли.

У Андрея в голове созрел план и от такого напряжения, у него на носу выступила испарина и вмиг вспотели ладони, как у маньяка, поджидающего свою жертву в подъезде.

«Вот долгожданный шанс, — думал Андрей. — На этот раз я не останусь ни удел. Всё будет моим. Всё, до единой монеты. Как мне надоело, что кому-то всё, а мне одни объедки и работа на „дядю“. Хватит! Я тоже жить хочу».

— Как это, взяли? Что ты имеешь в виду?

Андрей, я не могу даже допустить мысли, что ты можешь плохо думать о моих родителях! — у Янины от возмущения сверкали глаза.

— Что ты! — Андрей испуганно замахал руками. — Я просто выдвинул версию. Я никогда в жизни не думал плохо о твоих родителях. Они прекрасные люди, и я их очень уважаю. Милая, да ради твоих родителей и тебя я готов на всё!

Янина пристально смотрела на Андрея.

— Всё равно, Андрей, впредь никогда не говори вслух подобные слова. — Янина была крайне возмущена и обижена словами Андрея. — Ты меня подобными подозрениями оскорбляешь, неужели не понятно?

Янина взяла в руки пожелтевшее от времени письмо. Какой-то грустью повеяло от него. После слов Андрея она захотела остаться одна. Делиться сокровенной, семейной тайной девушка передумала. И вообще, его слова ранили в самое сердце. «Да какое он имеет право, даже думать о подобном. Мои родители столько добра ему сделали».

— Послушай, Андрей, ты иди домой. Я здесь посижу, почитаю. А завтра мы с тобой встретимся и всё обсудим. Думаю, в письмах я узнаю, о какой тайне говорила мама.

Андрей с сожалением вздохнул, но настаивать не стал. Он понял, что сгоряча ляпнул лишнего.

«Угораздило же меня, не сдержался. А для любого дела нужен холодный разум. Всё равно она всё расскажет, — успокаивал он себя. — А мне тоже подумать надо, как поступить в этой ситуации. Тем более, что её родители сейчас в больнице. Обстоятельства складываются мне на руку».

Чита. 1921 год

— Уезжаю я, Серафимушка, — Григорий стоял в горнице с виноватым лицом. — Не плачь, без ножа режешь. И так на душе горько и солоно.

Серафима тихо всхлипывала.

— Я вернусь за тобой, где бы ты ни была. Ты главное жди меня и о мальчонке, о сынишке моём, позаботься. И уезжай, прямо завтра не медля ни минуты уезжай.

Григорий кинулся осыпать девушку поцелуями, такими горячими, словно угли из костра. Слезы у Серафимы были солёными и горячими.

— Вы же обещали нас собой забрать? — давясь слезами, Серафима вцепилась в его военный китель.

— Не могу, милая. Поменялось всё! Мне поручено важное, государственного значения, задание. А ты тоже не засиживайся. Завтра в путь и

отправляйся. Узнают о том, что ты со мной и о сынишке, худо тебе будет. Уезжай отсюда.

Не мог же он ей сказать, что за его голову назначена цена такая высокая, что целую Губернию можно купить вместе с домами и с крестьянами. Что не доверяет он никому. Ни чужому, ни своему. Давно не доверяет.

Она и так трясётся, как заяц под лопухом. Не за себя, за Серафиму и сына своего переживает.

— Да как же я уеду? — испуганно уставилась на него Серафима. — Денег у меня нет, чтобы из дома отчего уехать. Сынок совсем ещё махонький.

Она смотрела на Григория, глазами вмиг ставшими взрослыми, на детском лице, таком любимом и родном.

В другой комнате тихо похныкивая, завозился ребёнок. Григорий ринулся к нему и, аккуратно взяв на руки, уткнулся в тёплое, пахнущее молочком тельце.

«Не успел сполна насладиться своим счастьем, — у Григория болело сердце, будто бы его сжали стальными тисками». От невыносимой злости и безысходности Григорий заскрежетал зубами.

— Сыночек, ты папку помни. Не забывай! — прошептал и задохнулся от слёз.

Кто сказал, что мужчины не плачут? Ещё как плачут. Особенно, когда от горя глаза слепит, от

тоски в сердце боль затая. Когда выразить сложно словами понимание утраты и неизбежность. Григорий не стеснялся своих слёз. Малыш затих в руках отца, согревшись. А он, прижал его к себе одной рукой, второй сгрёб в охапку девушку. Так и стояли бы они вечность, не расставаясь.

— Ты смотри, что я принёс для тебя. Обещай мне, что уедешь и спасёшь сына? — Григорий достал из-за пазухи золотые монеты.

— Слушай меня внимательно! — торопливо зашептал Григорий. — Монеты спрячь. Никому никогда о них не говори. Этого тебе хватит на первое время. Не показывай ни одной живой душе. Здесь пятнадцать золотых. Если, конечно, худо будет совсем, голодно. Тогда только обменяй. Но не доверяй никому. Тебя повесить из-за них могут.

Серафима замерла, словно птичка сойка на опушке, нахохлившись.

— А это, — Григорий достал из кармана фигурку. — Тебе моя милая на память заколка. Жаль, не смог вдосталь налюбоваться твоей красотой. А ты спасай сына и себя. Помни, что я люблю тебя крепко.

Серафима, вытянув шею, смотрела на его ладонь расширенными глазами. Там поблёскивала, переливаясь матовым блеском, рыбка очень тонкой работы.

— Обещай мне, Серафимушка, что сделаешь

всё так, как я тебе велел? — строго посмотрел на девушку Григорий. — Сыну, как вырастет — расскажешь о папке его. Чтобы помнил обо мне и знал, что в нём течёт кровь атамана. А я постараюсь найти тебя. Пусть время смутное уляжется. Я клянусь, найду тебя.

Серафима кивала, глотая слёзы. Она так боялась за себя и за Григория. А ещё больше за ребёночка, тихо посапывающего на руках отца. Ещё он оставил пачку денег. Больших бумажных. Серафима себя чувствовала, как в бреду. Будто бы горячка у неё или лихорадка. Но неизбежность случившегося всё более сгущалась в её сознании, заволакивая своей чернотой каждый уголок её светлой души, не оставляя шанса на другой исход. Никому не оставляя.

* * *

Еле разлепив глаза, с тяжёлой головой, словно в неё налили чугуна, Янина оторвала голову от подушки и села на кровати. Руки и ноги совершенно не слушались. Вчера, перевернув четыре гаража и перетаскав кучу вещей с места на место, любой бы валялся обездвиженный. Янина, которая совершенно не любила никакие физические упражнения, чувствовала себя медузой, которую выбросило на берег моря, а добрые дети в неё ещё